

Люсинда
Райли

Древо ангела

INSPIRIA

Москва
2024

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
P18

Lucinda Riley
THE ANGEL TREE

Copyright © Lucinda Riley, 2015

Перевод с английского *Анны Бялко*

Художественное оформление *Натальи Каштыкиной*

В коллаже на переплете использован фрагмент фотографии:

© Tamara Hooijmans / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Райли, Люсинда.
P18 Древо ангела / Люсинда Райли ; [перевод с английского
А. Бялко]. — Москва : Эксмо, 2023. — 480 с.

ISBN 978-5-04-187925-9

Прошло тридцать лет с тех пор, как Грета покинула Марчмонт-Холл, величественный и красивый дом, расположенный на холмах Монмутшира. Трагический несчастный случай стер из ее памяти более двух последних десятилетий. Когда она возвращается домой, у нее нет никаких воспоминаний об этом месте.

Во время прогулки по лесу Грета находит могилку. Надпись выцвела, но она смогла понять, что там похоронен ребенок.

Теперь Грета полна стремления восстановить утраченные воспоминания. Стремление, которое глубже погрузит ее в собственную жизнь и жизнь ее семьи.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-187925-9

© Бялко А., перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Моей сестре Джорджи

Канун Рождества 1985 года
Марчмонт-Холл
Графство Монмутшир, Уэльс

1

Дэвид Марчмонт, продолжая вести машину по узкой дороге, краем глаза взглянул на свою пассажирку. Снегопад разошелся всерьез, отчего и так опасная езда по обледеневшей дороге стала еще более сложной.

— Уже недалеко, Грета, и, похоже, мы успеваем как раз вовремя. Думаю, к утру здесь будет не проехать. Ты что-нибудь тут узнаешь? — с надеждой спросил он.

Грета повернулась к нему. Несмотря на то что ей было пятьдесят восемь лет, ее кожа цвета слоновой кости не тронута морщинами, а огромные голубые глаза занимали большую часть личика, которое Дэвид всегда про себя называл кукольным. Цвет глаз не поблек с возрастом, но они больше не светились от восторга или ярости. Свет в них потух много лет назад, и они оставались такими же невыразительными и невинными, как у неодушевленного фарфорового оригинала, который она ему и напоминала.

— Я знаю, что жила тут когда-то. Но не помню этого, Дэвид. Прости.

— Не беспокойся, — утешил он, зная, как это всегда огорчает ее. И тут же подумал: если бы только он сам мог убрать из *своей* памяти ту первую, жуткую, разрушительную картину дома сразу после пожара — душливый запах тлеющего дерева и дыма оставался с ним до сих пор, — он бы непременно сделал это. — Конечно, теперь Марчмонт уже почти восстановлен.

— Да, Дэвид, я знаю. Ты говорил мне об этом на прошлой неделе, когда заходил поужинать. Я приготовила отбивные из яг-

ненка, и мы открыли бутылку «Сансерре». — сказала она, словно оправдываясь. — И ты сказал, что мы остановимся в самом доме.

— Совершенно верно, — с готовностью подтвердил Дэвид, понимая, что Грета постоянно испытывала необходимость приводить ему все подробности прошедших событий, даже если все то, что происходило до аварии, было ей недоступно. Осторожно руля по обледеневшей дороге и чувствуя, как шины стараются уцепиться за любую неровность, он подумал, было ли вообще такой уж хорошей идеей отвезти сюда Грету. Если честно, он и сам был поражен, когда она вдруг приняла его приглашение — после всех лет, что он уговаривал ее хоть ненадолго покинуть квартиру в Мэйфере и получал в ответ твердое «нет».

Наконец, после трехлетнего ремонта и попыток восстановить дом, ему показалось, что нужный момент настал. И она, по какой-то неведомой причине, внезапно согласилась. По крайней мере, он знал, что чисто физически в доме будет тепло и удобно. Хотя эмоционально — для каждого из них, с учетом всех обстоятельств — он не был уверен...

— Уже темнеет, — внезапно заметила Грета. — А ведь только три часа.

— Да, но я надеюсь, свет продержится, чтобы мы смогли увидеть Марчмонт.

— Где я раньше жила.

— Да.

— С Оуэном. Моим мужем. Который был тебе дядей.

— Да.

Дэвид знал, что Грета просто выучила наизусть все детали прошлого, которое позабыла. Как будто она сдавала экзамен. И он был ее учителем. Врачи, заботясь о ней, сказали Дэвиду, что он не должен упоминать о травматических событиях, но подсказывать ей имена, даты и места, которые могли разбудить что-то в ее подсознании и тем самым дать ключ к восстановлению памяти. Время от времени, когда он навещал ее, они болтали и Дэвид упоминал о чем-то, ему казалось, он видит в ней искру узнавания — но не мог быть уверен, была ли она вызвана настоящим всплеском воспоминаний или же просто узнаванием того, о чем он уже расска-

зывал ей. И теперь, после стольких лет, врачи — которые когда-то были уверены, что память понемногу вернется к Грете, потому что на многочисленных снимках мозга не было ничего, что указывало на какие-либо возможные препятствия для этого, — говорили об «избирательной амнезии», вызванной травмой. По их мнению, Грета *не хотела* ничего вспоминать.

Дэвид медленно направил машину в крутой поворот на дороге, зная, что через несколько секунд перед ними откроется вид на ворота, ведущие в Марчмонт. Несмотря на то что он был официальным владельцем дома и потратил на его ремонт целое состояние, Дэвид знал, что он — всего лишь управляющий. Теперь, когда ремонт был практически завершен, Ава, внучка Греты, и ее муж Саймон переехали в Марчмонт-Холл из коттеджа и поселились там. А когда Дэвид умрет, дом официально перейдет к Аве. Трудно было выбрать лучшее время — через несколько недель пара ожидала появления на свет своего первенца. И, может быть, подумал Дэвид, наконец-то последние годы семейной истории, когда все шло не так, как нужно, будут восполнены появлением на свет новой, невинной жизни.

Правда, всю ситуацию еще больше осложняли события, произошедшие *после* того, как Грета потеряла память... события, от которых он защищал ее, опасаясь эффекта, который они могли бы произвести на нее. Потому что, в конце концов, если она не могла вспомнить того, с чего все началось, как она могла бы осознать результат всего этого?

В общем, все это означало, что он, Ава и Саймон во время разговоров с Гретой балансировали на тонкой нити, пытаясь как-то пробудить ее память, но постоянно думая о том, что они обсуждали в ее присутствии.

— Грета, ты видишь? — спросил Дэвид, проезжая в ворота, — и перед ними во всей своей красе возник Марчмонт-Холл.

Невысокий дом елизаветинской эпохи изящно вписывался в волнистые силуэты предгорий, которые, вздымаясь, переходили вдали в величественные пики Черных гор. У их подножия, в широкой долине петляла река Уск, и поля по обеим ее сторонам сверкали в свежевывавшем снеге. Из древних стен тускло-красного кирпича спереди выдавался вперед тройной фронтон, где мно-

гогранные стекла в сводчатых окнах отражали последние розоватые лучи заходящего зимнего солнца.

Даже когда старые сосновые бревна, иссохшие от времени, были жадно уничтожены пламенем пожара, что привело к обрушению крыши, внешние стены дома сохранились. Как потом говорили пожарные, отчасти это случилось благодаря сильнейшему ливню, который пролился примерно через час после того, как занялся самый первый уголек. Сама природа спасла Марчмонт-Холл от полного разрушения, оставив хоть что-то, что можно было восстановить.

— О, Дэвид, он гораздо красивее, чем казался на фотографиях, которые ты мне показывал! — выдохнула Грета. — И сейчас, подо всем этим снегом, он словно сошел с рождественской открытки.

И действительно, подъехав к дому так близко, как только было возможно, Дэвид разглядел через окно теплый свет горящих ламп и мигание елочной гирлянды. Эта картина была настолько не похожа на ту темную, мрачную атмосферу его детского дома, навсегда отложившуюся в его памяти, что он испытал внезапный прилив эйфории от этой очевидной перемены. Может быть, пожар *действительно* сжег прошлое, как в физическом, так и в метафорическом смысле. Жаль только, что его матери не было рядом с ним, чтобы она увидела эту замечательную перемену.

— Правда же, выглядит чудесно? — сказал он, открывая дверцу машины, отчего с ее крыши соскользнула кучка снега. — Давай скорее туда. Я потом заберу все чемоданы и подарки.

Дэвид обошел машину, открыл пассажирскую дверь, и Грета осторожно выбралась наружу. Ее ноги в открытых городских ботиночках тут же по щиколотку утонули в снегу. Когда она подняла взгляд на дом, а потом опустила его на свои погрузившиеся в снег ноги, в ее памяти внезапно что-то дрогнуло.

Я уже была здесь...

Замерев на месте, потрясенная тем, что этот момент наконец настал, она отчаянно пыталась ухватить этот кусочек воспоминаний. Но он уже исчез.

— Пошли, Грета, ты замерзнешь тут до смерти, стоя на месте, — сказал Дэвид, протягивая ей руку. Они прошли вместе несколько метров до входной двери Марчмонт-Холла.

После того как их встретила Мэри, управляющая домом, которая работала в Марчмонте более сорока лет, Дэвид отвел Грету в ее спальню и оставил там отдохнуть. Он представлял, как она, должно быть, утомлена от стресса, вызванного решением выйти из дома впервые за много лет, да еще долгим путешествием вдобавок...

После чего он спустился в кухню в поисках Мэри. Она раскатывала тесто для пирожков на новом центральном кухонном острове. Дэвид обвел глазами кухню, любуясь поблескивающими гранитными столами и гладкими, встроенными вдоль стен кухонными приборами. Кухня и ванные стали его единственной уступкой современному дизайну, когда он планировал восстановление Марчмонта. Обстановка всех остальных комнат была воссоздана в оригинальном виде — непростая задача, требовавшая многих недель поисков и долгих дней разглядывания архивных фотографий в библиотеках, а также копания в воспоминаниях детства. Пришлось нанимать целую армию местных мастеров, чтобы быть уверенным, что все вокруг, от паркетных полов до мебели, было как можно больше похоже на старый Марчмонт.

— Здравствуйтесь, мастер Дэвид, — Мэри подняла глаза и расплылась в улыбке. — Джек звонил десять минут назад, сказал, что поезд вашей Тор задержался из-за снежных заносов. Так-то они должны были уже час как быть тут. Он взял «Лендровер», так что они нормально доберутся.

— Как хорошо, что он согласился ее забрать. Я знаю, как ему непросто найти время среди всех обязанностей по дому. Ну, Мэри, как вам нравится в новой обстановке?

— Ба, да тут просто чудесно. Все такое новое, свежее, — ответила она со своим мягким уэльским говором. — Поверить не могу, что это тот же дом. Тут сейчас так тепло, можно и камин не разжигать.

— А в вашей квартире удобно? — Хью, муж Мэри, скончался несколько лет назад, и ей было одиноко и неуютно в отдельном коттедже в поместье. Так что, работая с архитектором над новыми планами дома, Дэвид построил туда несколько комнат для Мэри на просторном чердаке. После того, что случилось, ему было спо-

койнее знать, что в доме постоянно кто-то будет, даже если Ава и Саймон куда-то уедут.

— Да, спасибо. И оттуда такой чудесный вид на долину. Как там Грета? Если честно, я удивилась, когда вы сказали, что она приедет на Рождество. Положа руку на сердце, не думала, что я это увижу. Что она думает обо всем этом?

— Она особо не говорила, — сказал Дэвид, толком не понимая, говорит ли Мэри о реакции Греты на ремонт дома или же о ее возвращении сюда после стольких лет. — Сейчас она отдыхает.

— Вы видели, я подготовила для нее ее бывшую спальню, вдруг это пробудит ее память. Хотя спальня теперь выглядит совсем по-другому, я и сама с трудом ее узнаю. А как вы думаете, она правда так вот совсем меня не узнает? Когда она жила тут, в Марчмонте, мы вдвоем немало всего пережили.

— Пожалуйста, Мэри, не надо из-за этого огорчаться. Боюсь, мы все испытываем то же самое.

— Ну, может, оно и к лучшему, что она помнит *не все*, что тут послучалось, — мрачно заметила она.

— Да, — со вздохом согласился Дэвид. — Так или иначе, это будет очень странное Рождество.

— Ба, и не говорите. Я все искала по дому вашу матушку, с трудом могу понять, что ее тут нет. — Мэри сморгнула слезу. — Конечно, вам-то еще тяжелее, мастер Дэвид.

— Ну, нам всем нелегко будет с этим смириться. Но у нас хотя бы есть Ава и Саймон, и теперь, когда вот-вот появится малыш, это поможет нам пережить потерю. — Дэвид обхватил Мэри за плечи, утешая. — А теперь можно мне попробовать один из твоих пирожков?

Ава и Саймон вернулись в дом через двадцать минут и присоединились к Дэvidу в гостиной, пахнувшей свежей краской и дымком из широкого каменного камина.

— Ава, чудесно выглядишь. Так и пынешь здоровьем, — улыбнулся Дэвид, обнимая ее и пожимая Саймону руку.

— Я, похоже, за последний месяц внезапно раздулась. И уж не знаю, мальчик это или девочка, но он точно будет игроком в регби, — ответила Ава, ласково взглянув на Саймона.

— Я попрошу Мэри заварить нам чай? — предложил Дэвид.

— Я схожу, — сказал Саймон. — Ава, милая, а ты садись тут рядом с дядей, да подними ноги повыше. Ее вызвали среди ночи к корове, у которой начались роды, — пояснил он Дэвиду, отчаянно пожав плечами, и вышел из комнаты.

— Я только надеюсь, что кто-то найдется и *для меня*, когда у меня начнутся роды, — хихикнула Ава, опускаясь в одно из свежепереобитых кресел. — Саймон вечно пытается остановить меня, но я же ветеринар. Я же не могу дать своим пациентам помереть, верно? Ну, в смысле, акушерка же тоже меня не бросит, правда же?

— Нет конечно, Ава, но тебе же рожать уже через шесть недель, и Саймон волнуется, что ты переутомляешься, вот и все.

— Когда после Рождества приедет мой сменщик, будет гораздо легче. Но в такую погоду я не могу обещать, что не поеду по вызову, чтобы согреть страдающую от гипотермии овцу. Фермеры всегда так стараются согнать их с холмов в хлев до наступления плохой погоды, но кто-нибудь всегда потеряется. Но это неважно. Дядя Дэвид, а как твои дела? — Ава всегда звала его дядей, хотя они, строго говоря, были троюродными братом и сестрой.

— Очень хорошо, спасибо. В октябре я закончил запись рождественского шоу, и с тех пор, ну... вообще-то, — и Дэвид внезапно покраснел от неловкости, — я пишу свою автобиографию.

— Да что ты? Наверняка это ужасно интересно.

— Да, моя жизнь, безусловно, была интересной, но в этом-то и проблема. Очевидно, что я не могу рассказывать обо всем.

— Нет... — Лицо Авы стало серьезным. — Если честно — ты же знаешь, я всегда говорю честно, — я вообще удивлена, что ты согласился это написать. Ну, я хотела сказать, ты же всегда так охраняешь свою частную жизнь.

— Да, конечно, но, к несчастью, один помойный журналист решил написать несогласованную версию, так что я решил: лучше уж я сам напишу как надо. Ну, в смысле, как получится — с учетом всех обстоятельств.

— Понятно. Теперь я поняла, почему ты захотел это сделать. Господи, — выдохнула Ава, — с матерью-кинозвездой и кузенком — известным комиком я ненавижу даже самую идею стать знаменитой. Ты же не станешь писать ничего про... о том, что случилось

со мной, да, дядя Дэвид? Я просто умру, если ты это сделаешь. Особенно после того раза, когда меня с Ческой пропечатали на главной странице «Дейли мейл».

— Ну конечно нет, Ава. Я сделаю все возможное, чтобы оградить семью от всего этого. Проблема только в том, что, кроме этого, мне особенно нечего рассказать. В моей жизни нет никаких наркотиков, нервных срывов, проблем с выпивкой и множества женщин, так что это получится очень унылая книга. — Вздохнув, Дэвид иронически улыбнулся. — Кстати о женщинах, Тор скоро будет здесь.

— Я так рада, что она приедет, дядя Дэвид. Она мне очень нравится. И чем больше нас тут будет на Рождество, тем лучше.

— Ну, по крайней мере, нам наконец удалось уговорить твою бабушку присоединиться к нам.

— Где она?

— Отдыхает там наверху.

— И как она?

— Да в общем так же. Но я так горжусь, что она нашла в себе мужество приехать сюда. — За окном мелькнули фары машины. — Должно быть, это Тор. Пойду помогу ей с вещами.

Когда Дэвид вышел из комнаты, Ава задумалась о том, каким терпеливым и верным было его отношение к Грете. Она знала, что они были знакомы целую вечность, но не могла понять, что же в ней так его привлекало. Мать Дэвида, ЭлДжей, двоюродная бабушка Авы, умершая несколько месяцев назад, говорила, что ее сын всегда любил Грету. Конечно, Грета все еще очень молодо выглядела, как будто потеря памяти стерла с нее пятьдесят восемь лет жизни, которые в обычных обстоятельствах отложились бы на лице эмоциональным следом прожитого.

Как ни противно было это признать, Ава считала свою бабушку пустой и ребячливой. Все те несколько раз, что она видела Грету за все эти годы, ей казалось, что она разговаривает с прекрасным, но пустым яйцом Фаберже. Но, опять же, возможно, что вся глупина ее личности, какой она когда-то была, исчезла после аварии. Грета жила как отшельник, крайне редко выходя за пределы своей квартиры. Насколько Ава знала, это был вообще первый раз, когда она покинула ее дольше чем на несколько часов.

Она понимала, что не должна осуждать бабушку, поскольку не была знакома с ней до аварии, но в то же время признавала, что всегда невольно сравнивала Грету с ЭлДжей, чей несгибаемый дух и жажда жизни делали Грету — даже после всего, что с ней случилось, — слабой и блеклой. *А вот теперь*, подумала Ава, прикусив губу, *на Рождество Грета тут, а ЭлДжей нет.*

К горлу Авы подступил комок, но она усилием воли проглотила его, понимая, что тетя-бабушка не хотела бы, чтобы она горевала.

— Не сдавайся, — всегда говорила она, если случалась какая-нибудь трагедия.

Ава изо всех сил, от всего сердца хотела бы, чтобы ЭлДжей побыла с ними хоть немного подольше, чтобы она застала рождение ее ребенка. Но, по крайней мере, она дожила до их с Саймоном свадьбы и, умирая, знала, что Марчмонт — и Ава — в безопасности.

В гостиную вернулся Дэвид вместе с Тор.

— Привет, Ава. С Рождеством, и все такое прочее. Господи, как же я замерзла. Ну и дорога! — сказала Тор, подходя к пылающему камину и грея руки у огня.

— Ну, ты доехала, и, судя по всему, очень вовремя. Джек говорит, они отменили все остальные поезда до Абергавенни на сегодня.

— Да уж, должна признать, не хотелось бы мне встречать Рождество в каком-нибудь пансионе в Ньюпорте, — сухо заметила Тор. — Ава, дом просто чудесен. Вы с Саймоном, наверное, в восторге.

— Да, — сказала Ава. — Он такой красивый, и мы так вам благодарны, дядя Дэвид. Нам с Саймоном никогда бы не хватило средств на такой ремонт.

— Ну, как известно, однажды он в любом случае станет твоим. О, Саймон, — обернулся Дэвид, когда тот вошел в комнату. — Горячий чай. Как раз то, чего нам так не хватало.

Проснувшись, Грета почувствовала, что дезориентирована и не может вспомнить, где находится. Впав в панику, она нашарила в кромешной темноте выключатель и нажала на кнопку. Сильный запах свежей краски подстегнул память, она села в постели и восхитилась заново украшенной спальней.